

«Slovensko», t. 3, časť II — «Ludova kultura. Obzor». Bratislava, 1975, 488 s.

Коллективная монография словацких этнографов «Народная культура» представляет собой вторую часть тома «Народ» монументальной серии «Словакия». Издание этого нового обобщающего труда по истории народной культуры можно считать большим успехом всего коллектива этнографов и фольклористов Словакии, получивших по праву за эту публикацию премию Словацкой Академии наук. О большом общественном значении издания свидетельствует уже один его тираж — 40 тыс. экземпляров.

В большинстве европейских стран с середины XIX в. начались широкие научные исследования народной культуры, тогда как культуре словаков, входящих в состав монархической Австро-Венгрии, в условиях экономического и национального угнетения не уделялось достаточного внимания. Материалы, печатавшиеся в периодических изданиях единственного словацкого национального культурного общества Матицы Словацкой, были крайне фрагментарны и касались в основном фольклора, сыгравшего большую роль в становлении словацкой литературы и языка во второй половине XIX в.

Систематический сбор материалов (полевых, архивных, музейных) по народной культуре словаков начался только после победы народного строя в Чехословакии. Словацкие этнографы — сотрудники Этнографического института Словацкой АН, созданного в 50-х годах — должны были прежде всего восстановить полную картину распространения отдельных элементов культуры своего народа, определить принципы их классификации, выявить закономерности их развития, разработать многие необходимые для этой цели теоретические и методологические вопросы. Но все же не все комплексы народной культуры в настоящее время изучены одинаково. Это определялось состоянием смежных с этнографией научных дисциплин. В частности, решение многих проблем генезиса материальной культуры зависит от наличия соответствующих исторических и археологических данных, до сих пор еще недостаточно полных.

Том «Народная культура» состоит из следующих глав, написанных разными авторами: «Собирательство» — М. Маркуш; «Земледелие и скотоводство» — В. Урбанцова; «Ремесло и домашнее производство» — Я. Паличкова; «Пища» — М. Маркуш; «Одежда» — В. Носалова; «Народные постройки» — Я. Мяртан; «Общественная и семейная жизнь» — Б. Филова; «Обряды и поверия», «Народная медицина» — Э. Хорватова; «Устная словесность» — Я. Михалец; «Песни и музыка» — О. Элшек; «Народное изобразительное искусство» — Э. Плищкова.

Наибольший интерес, как нам кажется, представляют главы о народной архитектуре, одежде и семье. Именно эти стороны народной культуры до сих пор были недостаточно изучены.

Ян Мяртан — автор главы о народной архитектуре, один из основателей словацкой этнографической науки, отошел от классических методов чехословацких этнографов старой школы (К. Хотек, Э. Балаш), изучавших народные постройки с позиции эволюционизма и увлекавшихся лишь чисто технической стороной проблемы. Он уделяет большое внимание бытовому использованию жилища, подчеркивая зависимость народных построек от природных и социально-экономических условий. В главе показано, что развитие словацкого народного жилища шло не прямолинейно от простейшего однокамерного к многокамерному; вследствие неравномерного экономического развития отдельных областей страны и классового расслоения путь его развития был гораздо более сложным. Автор проследил развитие жилища от древнейших его форм (с периода Великой Моравии) до настоящего времени, используя археологические материалы, исторические источники периода средневековья, многочисленные собственные полевые материалы. По его данным, и в IX в. наряду с однокамерными землянками встречались двухраздельные жилища; в XVI в. в письменных источниках упоминались трехраздельные жилые дома наряду с однокамерными жилищами бедняков.

Ян Мяртан подчеркивает, что развитие планировки словацкого сельского жилища шло по славянскому пути — от курной избы с холодными сенями. В то же время в статье приводятся данные о том, что в равнинных, более передовых в экономическом отношении областях уже в XIV в. встречались и дома с теплыми сенями. Автор пишет о всех сложных изменениях в системе отопления, а также о связанных с ними переменах в бытовом использовании отдельных помещений дома. Процесс этот в разных районах проходил далеко не одновременно, в горных областях дома с самой примитивной системой отопления встречались еще в середине XX в.

По целому комплексу признаков автор выделяет пять типов жилища: западно-словацкий, южнословацкий, центральнословацкий со многими подтипами, восточнословацкий и севернословацкий (также с вариантами). Классификация Яна Мяртана кажется довольно спорной, так как в ней не всегда последовательно выдержан принцип разграничения главных и второстепенных признаков, отличающих комплексы жилища в разных районах.

Для словацкого жилища XIX—XX вв. Ян Мяртан считает наиболее характерной трехраздельную планировку избы, сеней и коморы. Он говорит, что только в северных горных областях распространены жилища, состоящие из избы, сеней и хлева, непосредственно сообщающегося с сенями. Появление этого типа автор объясняет немецким влиянием. Однако с подобным объяснением нельзя согласиться, так как известно, что такая планировка дома наблюдается у многих горных народов и ее появление, по-видимому, вызвано специфическими условиями жизни в горных районах.

Большой заслугой Яна Мяртана является то, что он рассматривает не только крестьянские жилища в словацкой деревне, но и жилища рабочих и ремесленников. Тщательно изучена автором терминология словацкого жилища и хозяйственных построек во всех локальных вариантах.

Глава, посвященная народной одежде, вызывает особый интерес потому, что словаки — единственный народ Центральной Европы, сохранявший до середины XX в. в живом бытовании народный костюм.

Специфической особенностью словацкой народной одежды является ее необычайное локальное многообразие (существует около 60 вариантов). Как показывает В. Носалова, многообразие это проявляется в основном в расцветке, украшениях, способе ношения. Взяв за основу своей классификации покроя наиболее архаичной нательной одежды, автор выделяет в женской одежде всего два типа. Первый из них распространен по всей Словакии и состоит из безрукавной рубахи на лямках (*рубач*) и короткой, до половины груди или до талии, сорочки, перед, спины и рукава которой собраны вокруг горловины (*олецко, рукавце*). Этот комплекс дополняли два фартука, надевавшиеся спереди и сзади, позднее их заменила юбка.

Для второго типа характерна длинная, ниже колен, рубаха с прямыми рукавами, туникообразного покроя. Сверху надевается юбка. Этот тип одежды встречается гораздо реже в северной, центральной и восточной Словакии. Разумеется, в комплекс одежды обоих типов входят и другие составные части более нового происхождения, самые разнообразные по покрою (жилеты, кофты и др.). Мужскую одежду автор делит на горный и равнинный типы, указывая в то же время на ее большую однородность в прошлом.

Используя самый разнообразный материал, В. Носалова показала словацкий национальный костюм в его развитии, не прекращавшемся еще и в XX в. В статье убедительно доказывается, что все современное разнообразие, локальная дифференциация словацкой народной одежды вовсе не древнего, а позднего происхождения; этот процесс происходил главным образом в XIX и XX вв., так как только после отмены крепостной зависимости потеряли свою силу строгие предписания, касающиеся одежды крепостных. Формирование множества вариантов народной одежды словаков в то время, когда для других европейских народов завершался переход к костюму городского типа, автор справедливо считает спецификой развития словацкой одежды.

Особое внимание автор уделяет влиянию городской одежды на народный костюм в прошлом и настоящем в отдельных областях Словакии. Интересно, что в наиболее передовых в экономическом отношении районах (Западная Словакия) наблюдался переход к городской одежде еще в начале XIX в., причем распространение получила упрощенная форма городского костюма, так называемая полутрадиционная одежда. В других районах произошла контаминация отдельных элементов городского и сельского костюмов в едином комплексе.

В заключение подчеркивается, что народная одежда словаков отражает соприкосновение двух сфер культуры — славянской (с которой ее связывают архаические составные части) и западноевропейской. Сочетание архаических форм и новых составных частей, включенных в старые комплексы одежды, автор считает характерным для словаков.

Глава, посвященная семье и общественному быту охватывает весь широкий круг проблем, связанных со словацкой семьей, и представляет собой первое в чехословацкой литературе исследование такого рода.

Хронологически в центре внимания Б. Филовой — середина XIX—XX в.; однако она пытается на основе этнографических материалов и исторических источников реконструировать общественные и семейные отношения словацкой деревни предыдущих столетий. В частности, в главе приведены интересные данные о территориальной соседской общине, которой до сих пор в литературе уделялось мало внимания. Эти данные говорят о том, что общинные пережитки сохранялись в обычном праве словаков до недавнего времени, несмотря на то, что быстрый распад соседской общины был вызван, вероятно, венгерским завоеванием и распространением так называемого немецкого права еще в XIV—XV вв.

Большое место автор по праву уделяет патриархальной большой семье. Б. Филова доказала, что длительное существование неразделенной патриархальной семьи у словаков вовсе не было результатом их замедленного развития по сравнению с другими европейскими народами. Это явление можно рассматривать как вторичное возрождение старой традиции в отдельных наиболее отсталых в экономическом отношении районах Словакии. Тщательно исследуя сложный путь распада патриархальных семей (как правило, сравнительно небольших, трехпоколенных, насчитывавших до 30—50 человек), автор рассматривает самые разные аспекты проблемы — структуру семьи, внутрисемейные отношения, изменения в соотношении коллективной и индивидуальной собственности,

право наследования. При этом семья как социальная ячейка анализируется в связи с другими системами отношений (социально-экономическими, правовыми и т. д.).

Словацкой спецификой автор по праву считает существование широких родственных связей, отсутствующих у других народов Центральной Европы в XX в., что, по-видимому, объясняется также сохранением традиций неразделенной большой семьи. Характерен для словаков и институт кумовства, существующий и в настоящее время.

При построении типологии малой словацкой семьи середины XIX—XX в., бытующей наряду с неразделенными семьями, Б. Филова прежде всего учитывает ее социально-экономические различия. Она выделяет городские рабочие семьи (не имеющие тесной связи с деревней); крестьянские семьи, имеющие собственное хозяйство; семьи рабочих, живущих в деревне и сохраняющих земельный участок, но занятых на ближайшей фабрике (это — наиболее многочисленная часть рабочего класса и в настоящее время) и, наконец, семьи сельскохозяйственных рабочих.

При выделении указанных типов семьи автор учитывает и такой важный показатель, как главенство в семье формальное и действительное, положение женщины.

Описывая современную словацкую семью и тенденции ее развития, Б. Филова подчеркивает, что под влиянием социалистического образа жизни меняется значимость отдельных функций семьи: в словацкой деревне при сохранении производственной функции и функции биологического воспроизводства на первый план выдвигается функция социализации поколений, в реализации которой всестороннюю помощь семье оказывает государство.

Глава об обычаях и повериях является обобщением большого материала о семейной обрядности и годовом цикле календарных праздников. Автор показывает все многообразие отдельных циклов обрядности в разных районах Словакии и делает попытку определить генезис каждого обряда, выявить древние дохристианские основы земледельческого и скотоводческого культов, характерные для всего комплекса календарных христианских праздников. К сожалению, Э. Хорватова в большинстве случаев ограничивает свое описание XIX — началом XX в. и не касается современных форм народной обрядности, еще широко бытующей. В этом отношении указанная глава невыгодно отличается от других разделов книги, где большое внимание уделяется и современности.

Авторы глав, посвященных словацкому фольклору, оказались в более выгодном положении по сравнению с авторами глав по материальной культуре, так как этот раздел словацкой культуры гораздо лучше изучен. Анализ словесного, музыкального и танцевального фольклора выполнен на самом высоком профессиональном уровне. Поражает богатство и многообразие форм словацкого фольклора, и сейчас составляющего органическую часть современной социалистической культуры.

Книга завершается главой о народном искусстве (оно, как и у многих других народов, носит прикладной характер), свидетельствующей о широчайших творческих возможностях словацкого народа.

Хочется отметить и прекрасное оформление монографии, обилие хорошо выполненных иллюстраций — их 394.

Публикация тома «Народная культура» означает окончание важного этапа в работе словацких этнографов и фольклористов. Но для определения специфики культуры каждого народа необходимо изучение элементов ее материальной и духовной стороны в едином комплексе. Выделение историко-этнографических областей, исследование истории их формирования представляет нам одной из первоочередных задач словацкой этнографической науки.

Н. Н. Грацианская